

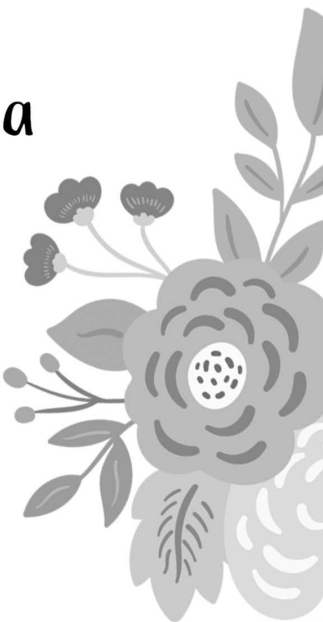

Дилемма Золушки

Елена
Логунова

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн переплета *Е. Петрова*

Логунова, Елена Ивановна.

Л69 Дилемма Золушки / Елена Логунова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-244597-2

Писательницу и журналистку Елену всегда восхищала ее тетушка Ида — истинная петербурженка, настоящая гранд-дама! Не меньше, чем тетина старинная подруга Марфа Зарецкая, в прошлом актриса. Именно она пригласила Лену и ее закадычную подругу Ирку в театр на бенефис известного артиста Барабасова. Но юбилей закончился совершенно неожиданно! Во время мероприятия случилось ЧП — старый актер оступился, упал в оркестровую яму и скончался. Происшествие списали на несчастный случай, но Лена с Иркой заподозрили, что это могло быть убийство! Значит, нужно провести собственное расследование. А непосредственное участие в нем собираются принять проницательные леди, которых язык не повернется назвать старушками!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логунова Е.И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-244597-2

ГЛАВА 1

ШУТКА ПО-ПЕКИНСКИ

Оно явилось перед нами внезапно — как ми-
молетное виденье, как гений чистой, откро-
венной, ничем не прикрытой красоты: де-
тальное изображение, скажем так, средней
трети мужского тела, выполненное поразительно
реалистично, с душой и любовью. Примерно 60 x
40 см, холст, темпера.

Из приличных названий этому произведению
очень подошло бы, например, «А вот хрен вам!». 5

— Не помесяй? — на ломаном русском вежливо
поинтересовался милый юноша китайской наци-
ональности, поставивший картину на занятый
нами столик, чтобы пробраться к свободному.

— Н-н-нисколько, — светски проблеяла я, пока
муж, подавившийся креветкой в кляре, пытался
откашляться.

Китайский художник (или натурщик, я не смогла это определить — он был в штанах) втиснулся в уголок и гуманно спрятал свою картину под столом.

Я похлопала мужа по спине и успокаивающе сказала:

— Спокойно, Коля! Это же Питер! Тут даже в уличной забегаловке можно лицом к лицу столкнуться с искусством.

— Там было не лицо! — заспорил Колян, но я наступила ему на ногу и укоризненно поцоккала.

Нельзя же быть таким косным. В культурном городе живем.

Китайский юноша немного посидел, потом сходил за своим заказом, принялся за еду, опять отлучился — наверное, в туалет, и снова вернулся... Мы в его сторону старались не смотреть, сосредоточились на собственной трапезе и приятном застольном разговоре и как-то не заметили окончательного исчезновения соседа.

Нам и самим уже следовало уходить — засиделись мы. Час был поздний, заведение закрывалось, на верхний этаж, где мы устроились, то и дело заглядывала хмурая смуглолицая женщина с ведром и шваброй. Муж помог мне надеть пальто и привычно беспечно зашагал к выходу, а я еще проверила, не забыли ли мы чего на диванчиках, и вышла из зала последней, уже на середине его разминувшись с заждавшейся уборщицей.

Пока спускалась по ступенькам, на ходу застегивая пальто, надевая шапку и натягивая пер-

чатки, услышала наверху негодующий женский крик, а уже у самого основания лестницы меня догнал сердитый мужчина средних лет — не то охранник, не то швейцар. Не знаю, как называется его должность в популярных заведениях сети фастфуда.

— Ай-ай-ай! Что ж вы, девушка? — Он криво ухмыльнулся и сунул мне в руки незабываемую картину в раме. — Таким не разбрасываются. Забирайте!

— Это не мое! — Я попыталась вернуть чужое, но мужчина ушел, не слушая меня.

Я беспомощно посмотрела на картину. Ну да — та самая.

Видение решительно не желало становиться мимолетным.

Я огляделась под лестницей, прикидывая, не оставить ли забытый владельцем шедевр в уголке потемнее, но вспомнила реакцию уборщицы на ее первую встречу с этим прекрасным и решила не подвергать бедную женщину повторному культурному шоку.

Стало ясно, что честь нести искусство в массы нынче выпала лично мне.

Я выступила из дверей на улицу деревянным шагом игрушечного солдатика, и муж тут же попытался заглянуть мне за спину:

— Что у тебя там?

— Угадай. — Я пожалела его, решила не вываливать воистину голую правду так сразу. — Слово из двух букв.

— Яд?

— Почему сразу яд?!

— Ты очень подозрительно выглядишь. Прямо воплощение коварства.

— Никакого коварства. — Я сделала лицо попроще. — И никакого яда, разумеется. Это совсем другое слово из двух букв...

— Ой! — Колян обошел меня и увидел картину.

— И не «ой». Правильное слово из двух букв — это «ню». — Я жестом тореадора, встречающего быка полувероникой, развернула к нему внезапно обретенный шедевр. — Такой художественный жанр в скульптуре, живописи, фотографии и кинематографе, изображающий красоту и эстетику обнаженного человеческого тела.

— Ню... ты даешь! Зачем взяла? И как? Неужто стащила? Или даже купила?! — Муж двумя руками схватился за шею, и я было испугалась, что он задохнется от возмущения, но нет — Колян быстро размотал свой шарф и набросил его на чужое ню. — Я так и знал, что твоя новая привычка ходить по вернисажам до добра не доведет, но, дорогая, разве мы можем позволить себе поддерживать бедных художников?

8

— Бедных, голодных и голых, — пробормотала я, попыталась выжать хоть из кого-нибудь сочувственную слезинку, не смогла и объяснила: — Я не хотела брать, но охранник меня заставил, буквально силой в руки затолкал. Он почему-то решил, что это наше.

— Это?!

— Мне тоже не нравится, — дипломатично сказала я, — но не могла же я отшвырнуть картину

с криком: «Фу, какая гадость!» Все-таки произведение искусства.

— Этому произведению искусства место на помойке. — Колян огляделся, не иначе высматривая мусорку.

— Не будем же мы его выбрасывать! Тут одна рамка пару тысяч стоит!

— Рамку можем не выбрасывать. Вставим в нее что-то свое.

— Щас как дам больно! Вот еще, вздумал — вставлять свое куда попало!

— И правильно, — тут же согласился Колян. — Своим лучше так любоваться. Без рамки. А этого... — Он поглядел на картину и скривился. — Чтобы и ноги в нашем доме не было!

— Ног тут и нет, — напомнила я.

— Чтобы ни... ничего чтобы не было! У нас ребенок, сын, мы должны ограждать его от тлетворного влияния.

— Ладно, тогда отнесем картину Васе Кружкину, — придумала я. — Он художник, ему к такому не привыкать. Он сам на кого хочешь окажет тлетворное влияние. Хотя вообще-то ты излишне драматизируешь. Это же не порнография какая-нибудь, просто обнаженная натура.

— Так и пойдем по улице — с обнаженной натурой в руках? И в метро поедем? — усомнился супруг.

Я представила, как мы спускаемся на эскалаторе: впереди я с картиной в обрамлении шарфа, за мной Колян и еще целая вереница людей — натуральная пародия на крестный ход, и предложила:

— У тебя куртка достаточно широкая и длинная, спрячь полотно под нее.

— С ума сошла?! Чтобы я это ню, блин, к себе прижимал?!

— Ладно, у меня тоже пальто широкое и длинное...

— Вообще уже?! Я тебе не позволю! При своем живом муже!

Свой живой муж решительно отобрал у меня чужую обнаженную натуру.

— Момент. — Он огляделся, победно воскликнул: — О! — и забежал в ближайший сувенирный магазин.

Я осталась на улице, у крыльца, образовав гармоничную пару с рекламной раскладной доской, на которой мелом было написано: «Тысяча мелочей на долгую память».

Мне не нужны были никакие памятные мелочи, я определенно чувствовала, что сегодняшний вечер и так не забуду.

«Хотя вот это конкретное ню не такая уж и мелочь», — справедливости ради отметил мой внутренний голос.

Это навело меня на мысль, что срисовано-то данное ню, вероятно, не с китайца. Они же не очень крупные — и вообще, и, я полагаю, в деталях...

Тут свет в окне сувенирной лавки заметно померк, потому что к стеклу изнутри притиснулись сразу две физиономии, а из двери как раз вышел мой муж с большим плоским пакетом из оберточной бумаги в крупный горох... А, нет, это были сердечки. Красные, как щеки Коляна.

Я безмолвно подняла брови.

— Другой бумаги не было, — сердито буркнул он, подхватил меня свободной рукой и потащил прочь, мимоходом недовольно глянув на затемненное головами зрителей окно сувенирной лавки. — Ишь, уставились! Можно подумать, никогда обнаженной натуры не видели. А еще жители культурной столицы! Тут по музеям этих ню — как грязи. Одним больше, одним меньше... Может, все же в мусорку его, а?

— А вдруг это шедевр кисти великого мастера и его место как раз в музее? — возразила я. — Нет, я считаю, надо найти владельца картины.

— Как? Бегать по Ваське и спрашивать местных и туристов, не видели ли они этого молодого человека, показывая его ню?!

— Не получится, — вздохнула я с сожалением, потому что идея-то была неплохая. — У нас же тут одно только ню, без лица. Какое может быть опознание, зимой-то.

— Тогда запостим в соцсетях объявление с фото: «Найдена картина в жанре ню, вернем потерявшему за вознаграждение». В смысле, сами ему заплатим, лишь бы забрал.

— С каким фото, ты что? — Я постучала кулаком по лбу. — Соцсеть запросто может забанить нас за такой контент, тамошние модераторы — люди косные, они ню от порню не отличат. А без картинки потеряшка не узнает свое имущество. И потом, как он докажет, что это его собственность? Предъявит для сличения с изображением свою натуру?!

— Блин, ну я даже не знаю. — Колян совсем расстроился.

Я похлопала его по руке:

— Сейчас приедем к тете и устроим мозговой штурм.

Минут через двадцать мы уже вошли в знакомый двор-колодец на Петроградке, убедились, что тетушкино окошко светится, значит, родная старушка еще не спит, и поднялись к нужной квартире.

Я постучала в дверь. Из-за нее донеслось:

— Войдите...

Сказано было тетушкиным голосом, но как-то неуверенно.

Я толкнула дверь — она была заперта. Посмотрела на Коляна.

Он пожал плечами, и я открыла своим ключом.

Тетя Ида и ее лучшая подруга Марфинька сидели за столом, обе в позе серовской «Девочки с персиками» и с ее же рассеянной задумчивостью во взорах. Персиков на столе не имелось. На нем вообще ничего не было, чем, несомненно, и объяснялось негодование, легко читающееся на хмурой морде кота, составляющего компанию двум восьмидесятишестилетним девочкам без персиков и прочей еды.

— Что тут у вас? — спросила я с порога, не спеша входить.

— М-ничевоу! — с легким взвизгом мякнул кот и спрыгнул со стула, исчезнув под длинной скатертью.

— Во-первых, добрый вечер, — распрямив спину и убрав со стола локти, сказала тетушка, на глазах приходя в себя.

Ей только дай кого-нибудь повоспитывать.

— Добрый, — осторожно согласилась я.

— Очень, — льстиво поддакнул муж за моей спиной.

— Во-вторых, проходите, мойте руки и садитесь за стол, будем пить чай.

Край скатерти пошел волной, послышалось что-то вроде «Давно пора!» на кошачьем языке, и на стуле снова материализовался Волька, все еще хмурый, но уже меньше похожий на разъяренного тигра Шерхана.

Тетушкин кот — крупный зверь, помесь мейн-куна со сказочным Серым Волком, я полагаю.

— А что это вы тут делали? — Я наконец вошла, втянула внутрь мужа и стала разоблачаться, перегружая с себя на рожки вешалки пальто, шарф и шапку.

— Мы обдумывали меню праздничного ужина, — сообщила тетушка, уже хлопоча у плиты.

Волька отчетливо высказался в поддержку любых ужинов, как праздничных, так и повседневных, лишь бы регулярных.

— А вы с подарочком? — встрепелась Марфинька, заметив в руках Коляна сверток.

Большой и весь в алых сердечках — он, конечно, бросался в глаза.

— Это мне? — Тетушка, стряхнув с рук стеганные прихватки для горячего, корабликом поплыла к нам.

— Нет! Только не это! Тебе такое точно нельзя! — испугалась я.

А Колян извиняющимся голосом добавил:

— Оно неприличное.

— Правда? — Тут и Марфинька спорхнула со стула.

Кот, смекнув, что ужин снова откладывается, спрятал голову под скатерть и уже оттуда опять выругался.

— По-моему, в нашем с тобой, Идочка, возрасте уже все можно, — сказала Марфинька и потянула сверток в сердечках из рук Коляна.

Он не посмел воспротивиться, и через минуту мадамы уже любовались картиной, уложенной на середину стола.

Скатерть волновалась, как штормовое море. Не иначе оголодавший кот в отчаянии бился о ножку стола головой.

— Да-а-а... — протянула Марфинька, созерцая чье-то бессмертное произведение.

— Одна-а-ако... — в тон ей промолвила тетушка.

Томная рассеянность девочек с персиками вернулась в их голоса и взоры.

14

— Тут у нас такая задачка образовалась... — Я вкратце пересказала мадамам историю внезапного обретения нами картины в жанре ню. — Надо придумать, как вернуть владельцу это его имущество.

— Дело было на Васильевском острове? — деловито уточнила тетушка.

Туман в ее глазах рассеялся, она готова была решать поступившую задачу.

Ей не привыкать. В свое время тетя Ида много лет успешно руководила конструкторским бюро, где в условиях гонки вооружений проектировали подводные лодки.

Я кивнула:

— Да, на Ваське, у метро.

— Там неподалеку одна большая картинная галерея и несколько мелких. — Тетушка сходила к серванту, взяла блокнот и ручку, стала делать записи. — Возможно, ваш юный китаец предлагал в них свое произведение к продаже или, наоборот, сам купил там это полотно. Тогда у менеджеров могут быть его контакты. Значит, первое, что нужно сделать, — обойти окрестные галереи и салоны...

— Это второе, — не согласилась с ней Марфинька. — Первым делом нужно снова наведаться в ту вашу фастфудную. Может, китайский юноша просто забыл там свою картину, тогда он за ней вернется. Оставьте этот шедевр персоналу...

— Они не возьмут! — помотала я головой, вспомнив реакцию охранника и уборщицы. — Придется картине подождать воссоединения с хозяином в каком-то другом месте. Я думаю попросить Кружкина, пусть временно приютит полотно...

Тетушка молча протянула руку и перстеньком черненого серебра затейливо постучала по батарее.

— Азбука Морзе — «Свистать всех наверх!» — пояснила я специально для Коляна, остальные

были в курсе принятой в этом доме сигнальной системы.

Вася Кружкин спустился к нам через пять минут. Мы успели накрыть стол к чаю и надежно нейтрализовать кота, выдав ему двойную порцию корма. Вася успел причесать кудри и бороду.

Тетушка, которая свято чтит законы гостеприимства, не позволила нам озадачить художника сразу, пришлось дожидаться окончания чаепития. Зато потом мы быстренько убрали со стола и даже не стали мыть посуду, спеша перейти к делу. Точнее, к телу. Еще точнее — к фрагменту тела.

Картину снова выложили на стол, и Кружкин на нее засмотрелся.

Я поторопила его:

— Ну? Что нам скажет художник?

— Ах, как это по-нашему, по-питерски! — сказал художник с умилением в голосе.

— Вот уж не думал я, что и ты, Вася... — начал шокированный Колян.

— В смысле? — перебила я его.

— Ну, тут же два в одном: обнаженка с расчлененкой, — пояснил Кружкин.

— А-а-а...

Все посмотрели на полотно с новым — опасливым — интересом.

— Думаешь, натурщик не был целым? — уточнила тетушка, тщательно подбирая слова.

— Да нет же, посмотрите на цветовую гамму: тут нет ни красного, ни синего, — вмешалась Мар-

финька. — Я думаю, натурщик был жив и здоров. Просто он не поместился в раму весь, целиком. Крупный очень.

Я отметила ее одобрительную интонацию, но зафиксировалась на другом:

— Кстати, да. Я уже чуть раньше думала, что это вряд ли китаец. Великовата натура.

— Вообще ничего особенного. — Колян насыпился и стал заворачивать бумажные лепестки обертки, закрывая от наших взглядов картину.

— Погоди, мы еще не закончили, — остановила его тетушка. — Давайте думать, какие имеются версии, соображения, предложения?

— Я вот что думаю: может, китаец нарочно вам это подбросил? — выдвинул свою версию Кружкин. — Вы же только что были на вернисаже в «Худмузе» и, наверное, как раз обсуждали его за едой?

— Конечно, обсуждали. А что?

— А то, что он вас услышал и понял: перед ним истинные ценители прекрасного, вот и решил подарить вам картину. Может, он как раз таким сюрпризным образом несет свое искусство в массы. — Василий откинулся на стуле, очень довольный сделанным умозаключением.

— Свинство это, а не сюрприз, — высказал свое мнение Колян.

— А я вот вижу другой сценарий, — сказала Марфинька и сделала драматическую мхатовскую паузу.

Она бывшая актриса и искренне верит, что вся наша жизнь — игра.

— Просим, просим! — Я нетерпеливо похлопала в ладоши.

— Что, если это была съемка скрытой камерой? — выдала Марфинька. — Отличный сюжет, провокация реакции ничего не подозревающей публики на шок-контент!

— Шок был, не скрою, но никакого оператора с камерой мы не увидели, — напомнила я.

— Вы просто слишком быстро убежали с места съемки. Еще и утащили с собой реквизит. — Марфинька кивнула на картину.

— Вообще-то в Китае очень популярны разные шоу со съемками скрытой камерой, да и в быту всяческая шпионская техника чрезвычайно распространена, — припомнил Колян. — У них там школьники, когда сдают экзамен, пытаются использовать ультратонкие наушники, беспроводное видео и очки со скрытой камерой, микрофоны-«жучки», крошечные приемники...

— А я о чем? Возможно, китайский юноша просто хотел пошутить, — улыбнулась Марфинька. И скаламбурила: — И это было никакое не свинство, а такая шутка по-пекински.

— Точно! — Тетя Ида вдруг просияла и громко хлопнула в ладоши. — Вот что будет главным блюдом нашего праздничного ужина!

С признательностью посмотрев на картину, она вежливо поблагодарила фрагментарно изображенного на ней незнакомца:

— Большое спасибо за подсказку!

— Ты приготовишь утку по-пекински? — уточнила Марфинька.

— Нет, свинину по-китайски, — объявила тетушка.

— Не иначе с хреном, — проворчал Колян и все-таки накрыл бумагой спорное живописное полотно.

Ночевать мы с супругом остались у тетушки в светлице, решив на завтра, в субботу, быстренько сгонять в ту фастфудную и наскоро обойти окрестные галереи. Из нашего спального района такой марш-бросок занял бы намного больше времени, чем с Петроградки.

Чтобы не таскать с собой картину сомнительного содержания, я сфотографировала ее камерой смартфона. При этом клятвенно пообещала мужу удалить компрометирующий снимок сразу же, как только отпадет нужда хранить его как вещдок.

В фастфудную мы нагрянули вскоре после ее открытия. По счастью, бригада сотрудников уже сменилась, так что ни дядечку-охранника, ни тетеньку-уборщицу мы не встретили. Новые люди об истории с забытой накануне картиной ничего не знали, но мы оставили им номер моего телефона на случай, если китайский юноша или кто-то другой наведается в заведение в поисках пропажи.

Ближе к полудню стали открываться окрестные художественные галереи. Мы обошли те, адресами которых нас снабдил поисковик, но то ню, фото которого мы стыдливо предъявляли кураторам выставок и менеджерам салонов, никто не опознал как свое. В смысле, нам ничего не смогли сказать о картине или ее авторе.

— Я же говорил, что ее место на свалке, — резюмировал Колян, заодно высказавшись и о творческом беспорядке в квартире нашего друга-художника.

В жилище Кружкина, если честно, царит вечный хаос. Время от времени Василий пытается его как-то упорядочить, но энтропия вселенной в отдельно взятой квартире непобедима.

Я сообщила Кружкину, что картина кисти неизвестного коллеги останется у него на ответственном хранении на неопределенный срок.

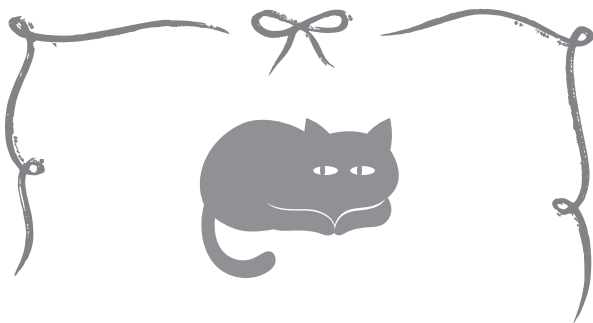
— Ну и ладно, — легко согласился Василий. — Я ей уже прекрасное место подобрал.

Я не стала выяснять, что это за место, потому что наши с Василием представления о прекрасном нередко расходятся. Свободно могло оказаться, что художник приспособил чужую картину в раме вместо крышки унитаза, например.

— Мы сделали что могли, и теперь остается только предоставить это нью его судьбе, — заключил Колян, ставя точку в истории с шуткой по-пекински.

И на некоторое время спорный шедевр был забыт.

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КАВАЛЕРГАРДА

— Где вы? Я вас уже потеряла! — возмущенно сообщила я тетушке.

— Пока не на веки веков, аминь, — успокоила меня она, но не сдержалась, добавила драматизма: — Хотя, боюсь, тот день уж близок.

— Почему? Что случилось? — пуще прежнего встревожилась я.

Три часа назад тетя Ида и ее лучшая подруга Марфинька отправились на какое-то развивающее мероприятие, в суть которого я не вникала, потому как неистово самосовершенствоваться не стремлюсь.

Тем более что по нынешним временам интенсивное развитие обходится дорого, за него организаторы семинаров, практикумов, мастер-клас-

сов и прочих относительно честных способов отъема денег у мирного населения берут немаленькую копеечку.

На это, кстати, не далее как вчера сетовала сама тетушка, с нежностью припоминая бесплатные творческие кружки и спортивные секции времен СССР.

Не то чтобы моя родная старушка была стеснена в средствах, нет: у нее и пенсия приличная, и дети из своих Америк помогают. Просто тетушка, как коренная ленинградка-петербурженка, скромна в потребностях и экономна в расходах. Собственно, потому и поддалась на уговоры подруги вместе сходить на мероприятие — оно было бесплатным.

И что, скажите, могло случиться с двумя очень взрослыми девочками в каком-то развивающем кружке?!

— Марфа совсем плоха уже, — буркнула тетушка, отвечая на мой вопрос.

Я не стала спорить. У Марфиньки периодически случаются провалы в памяти, причем происходит это по какой-то непонятной системе, типа день через три-пять, но непременно от рассвета до заката. То есть однажды утром она встает, ощущая и уверенно позиционируя себя молодой и прекрасной, как семьдесят лет назад, и до самого вечернего отбоя живет в прошлом, называя окружающих чужими именами.

— И это я не про ее деменцию. — Тетушка будто подслушала мои мысли. — Оказывается, у нее снова село зрение, а она это игнорировала,